Борисов Е.В.

Предмет и ноэматический смысл в феноменологии Гуссерля[1]

Статья посвящена концепции ноэмы, развернутой Гуссерлем в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии»[2]. Ноэма в «Идеях I» представляет собой весьма многомерный феномен, при анализе которого Гуссерль задействует обширный дескриптивный инструментарий. Детальный анализ многообразия аспектов и структурных моментов этого понятия развернут в посвященной «Идеям I» монографии Н.В. Мотрошиловой[3]. В данной статье рассматривается соотношение двух элементов ноэмы – предмета и смысла. Структура полной ноэмы рассматривается в первом разделе статьи; во втором разделе эксплицируется тезис об индивидуализирующей функции смысла; в третьем разделе высказывается предположение о соотношении предмета и смысла, инспирированное теорией прямой референции.

I. Структура полной ноэмы

Полная ноэма акта сознания включает в себя три элемента: предмет, ноэматический смысл и характер данного акта. В этом списке

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 12-06-00078-а) в рамках тематического плана НИР Томского государственного университета (проект № 6.4832.2011).

[2] Все ссылки на «Идеи I» даются по изданию: *Husserl E.* Gesammelte Werke (Husserliana). Bd. III/1. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischer Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. В дальнейшем данное издание обозначается как Ideen I. Ссылки даются в тексте в скобках; цифры до и после точки обозначают номера страниц и строк; например, ссылка Ideen I, 301.11–15 указывает на страницу 301, строки 11–15.

[3] *Мотрошилова Н.В.* «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология–Герменевтика, 2003. Ч. VII и глава I ч. VIII.

элементы перечислены в последовательности, отражающей их структурное соотношение и логику их тематизации у Гуссерля. Предмет представляет собой исходную точку; каждый последующий элемент рассматривается как вариативное дополнение к предыдущему; соответственно каждый элемент, кроме третьего, тематизируется как тождественный в противовес многообразию возможных вариантов следующего. Таким образом, множество возможных полных ноэм, связанных с одним и тем же предметом, имеет ветвящуюся структуру: предмет может быть сопряжен с разными ноэматическими смыслами, а каждый ноэматический смысл может быть воплощен во множестве актов различного характера. Рассмотрим структуру ноэмы более детально.

(1) Понятие *предмета* как элемента ноэмы вводится в § 131 «Идей I». По-видимому, в силу некоторой апофатичности этого понятия, о которой будет сказано ниже, Гуссерль для обозначения этого элемента использует довольно длинный ряд терминов, не выбирая ни один из них для постоянного использования. К этому ряду относятся «объект», «тождественное», «субъект предикатов», «чистое X», «определяемое X», «нечто» (das Etwas), «ноэматический "предмет как таковой"» (Gegenstand schlechthin), «носитель предикатов», «носитель смысла» и др. (Ideen I, 301–304). Я буду использовать для обозначения данного элемента ноэмы термин «предмет», абстрагируясь от значений, которые он может иметь в других контекстах. Предмет имеет следующие три характеристики:

a) Это носитель свойств (по выражению Гуссерля, «субъект предикатов»). В качестве такового его следует отличать от любой совокупности свойств. Однако описание предмета – это всегда указание на его свойства, поэтому, если попытаться описать предмет как таковой, отвлекаясь от его свойств, то мы получим описание сугубо апофатическое: это «чистое X, отвлеченное от всех предикатов» (Ideen I, 302.11–12); поэтому Гуссерль называет его также «пустым X» (Ideen I, 303.32).

b) Предмет является единым в противовес многообразию его свойств. Единство в противовес многообразию свойств делает возможным отождествления, такие как отождествление Утренней Звезды и Вечерней Звезды или обнаружение А.И. Берестовым того обстоятельства, что барышня Е.Г. Муромская и крестьянка Акулина – одно лицо. Несколько забегая вперед, можно сказать, что единство предмета в противовес многообразию свойств делает возможным коин-

тенциональные акты, в которых предмет дан через различные ноэматические смыслы (подобно тому как существуют кореферентные языковые выражения, различающиеся по смыслу).

c) Предмет является тождественным в противовес изменчивости его свойств. Благодаря наличию этого элемента в структуре ноэмы мы можем воспринимать (мыслить, воображать…) эту веселую цветущую яблоню как *то же самое* дерево, которое некоторое время тому назад было безлиственным и унылым.

Первая характеристика предмета (предмет как носитель свойств), взятая в изоляции, может произвести впечатление, будто предмет представляет собой нефункциональную грамматическую фикцию – результат некритической онтологизации того грамматического обстоятельства, что в структуру дескриптивного предложения всегда помимо предикатов входит субъект (подлежащее). Однако вторая и третья характеристики (единство и самотождественность в противовес многообразию и изменчивости свойств) показывают, что введение этого понятия дает определенный эвристический эффект: оно позволяет описать: 1) опыт отождествления предмета, данного в различных дескриптивных обличьях, и 2) опыт узнавания предмета как того же самого вопреки изменению его свойств. Таким образом, понятие предмета как структурного элемента ноэмы фиксирует данность предмета в его относительной независимости от присущих ему свойств.

(2) *Ноэматический смысл* Гуссерль определяет как содержание ноэмы, посредством которого сознание связано с предметом: «Каждая ноэма имеет свое “содержание”, а именно свой “смысл”, и через него связана со “своим” предметом» (Ideen I, 297.31–32). Развернутое определение смысла таково: если мы эксплицируем и понятийно зафиксируем предметный коррелят того или иного акта сознания – предметное (das Gegenständliche) «в точности так, как оно подразумевается» (Ideen I, 301.9), – мы получим «замкнутую совокупность формальных или материальных, содержательно определенных или “неопределенных” (подразумеваемых без содержательного “наполнения” (“leer” vermeinten)) “предикатов”; последние в их модифицированном значении определяют “содержание” соответствующего предметного ядра ноэмы»[4] (Ideen I, 301.11–15). Итак, смысл – это сово-

[4] Два комментария к этой цитате: 1) Гуссерль говорит о «модифицированном значении» предикатов в том смысле, что они рассматриваются не как свойства

купность характеристик предмета, подразумеваемых в некотором акте сознания и опосредующих интенциональное отношение к предмету. При этом некоторые характеристики подразумеваются в их определенности (я вижу, что это яблоко с той стороны, которую я вижу, красное); некоторые – как неопределенные (я знаю, что с обратной стороны это яблоко имеет некоторый цвет, но не знаю, какой именно). Смысл – это нечто вроде матрицы, которая может иметь незаполненные ячейки.

Для нашей цели существенны следующие импликации понятия смысла:

a) Предмету может соответствовать несколько смыслов: здание можно видеть снаружи и изнутри; можно размышлять о его сейсмоустойчивости и об эстетическом соответствии его фасада окружению; можно попытаться вообразить его после капитального ремонта – и т. д. В каждом из этих актов здание будет дано через разные комплексы свойств (интендируемых в их определенности или без таковой); соответственно ноэмы соответствующих актов будут иметь один и тот же предметный коррелят, но различные смыслы.

b) По всей видимости, ноэматический смысл отдельного предмета должен *индивидуализировать* данный предмет, т. е. отличать его от остальных предметов. Насколько мне известно, Гуссерль не высказывает эту мысль явным образом, но она имплицирована в трактовке смысла как опосредующего связь между актом сознания и предметом. В самом деле: если акт сознания направлен не на совокупность предметов, а на некоторый единичный предмет, то этот предмет – «как он дан в этом акте» – должен отличаться от всех прочих предметов. И поскольку эксклюзивная данность этого предмета опосредована ноэматическим смыслом как определенным набором свойств, последнего должно быть достаточно для индивидуации обсуждаемого предмета. Более подробно это положение будет рассмотрено в следующем разделе статьи.

(3) *Характер акта* как третий элемент полной ноэмы охарактеризуем вкратце. Один и тот же смысл может быть воплощен в разнообразных актах, отличающихся друг от друга в следующих аспектах:

объективных (в натуралистическом смысле) вещей, но как структурные моменты ноэмы. На эту модификацию указывают также кавычки, в которые заключен ряд терминов в цитированном тексте. 2) Ядро ноэмы Гуссерль определяет как «смысл в модусе его полноты» (Ideen I, 305.2). Для наших целей различие между смыслом и ядром ноэмы несущественно.

– по характеру (так различаются акты восприятия, воспоминания, воображения, фантазии и т.п.);

– по тетической составляющей (я могу быть уверен в существовании интендируемого объекта, сомневаться в нем или его отрицать);

– по аттенциональной составляющей (я могу рассматривать предмет внимательно или увидеть его мельком);

– по степени ясности и полноты представления предмета, по модусу осуществления акта и т. д[5].

II. Индивидуализирующая функция ноэматического смысла

Выше я сказал, что ноэматический смысл индивидуализирует предмет, т. е. позволяет отличить его от всех прочих предметов. Во многих случаях этот тезис неочевиден. Скажем, увидев лежащее на столе яблоко, я могу обратить внимание только на такие его характеристики, которые присущи многим яблокам (оно зеленое, круглое, ароматное, возможно, надкушенное с обратной стороны), и при этом может оказаться, что даже их полной совокупности недостаточно для индивидуации данного предмета. Однако мое восприятие – как опосредованное именно таким ноэматическим смыслом – направлено именно на *это* яблоко, а не на *некое* (любое) яблоко, которому слу-

[5] А.Э. Савин пишет: «Предмет выступает как тождественный в противоположность многообразию ноэм… каждая же ноэма тождественна в противоположность темпоральному, а как следствие и нумерическому многообразию актов сознания, которые именуются ноэзами» (*Савин А.Э.* Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля. Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ, 2008. С. 57). Как видим, А.Э. Савин дополняет рассмотренные выше переходы от тождественного к многообразному в структуре ноэмы еще одним переходом – от тождественной ноэмы к (темпоральному и нумерическому) многообразию ноэз. Применительно к *полной* ноэме мне этот шаг представляется сомнительным, поскольку трудно вообразить, чтобы акты, имеющие различную локализацию в имманентном времени сознания, не различались бы также некоторыми из характеристик, образующих третий элемент полной ноэмы. Иначе говоря, нейтральность временной локализации по отношению к содержанию ноэмы представляется мне неочевидным допущением. Некоторые аргументы в пользу темпоральной «ангажированности» ноэмы применительно к актам восприятия представлены в следующей работе: *Cunningham S.* Perceptual Meaning and Husserl // Philosophy and Phenomenological Research. 1985. Vol. 45, No. 4. P. 553–566. Детальное обсуждение этого вопроса не входит в задачи этой статьи.

чится иметь соответствующие свойства. Иначе говоря, в свете данного акта восприятия для меня должно быть осмысленным различие между *этим* яблоком и любым другим, соответствующим ноэматической «спецификации». Если так, то смысл должен включать в себя не только свойства предмета, присущие ему самому по себе, но и некоторые относительные свойства, такие как локализация в таком-то *месте* в такое-то *время* или воспринятость *таким-то субъектом* в такой-то *момент времени*. Если в ноэматический смысл данного восприятия включить не только такие свойства воспринятого яблока, как зеленый цвет, сферическую форму, ароматность и цельность/надкушенность с обратной стороны, но и относительное свойство, состоящее в том, что оно вызвало у меня аппетит в такой-то момент времени, то мы получим индивидуализирующий смысл, вычленяющий из универсума вполне определенный предмет в его уникальности.

Опосредующая функция смысла является главным основанием предложенной Д. Фёллесдалом «интенсионалистской» трактовки ноэмы, уподобляющей ее лингвистическому смыслу[6]. Это уподобление представляется вполне корректным, поскольку вербальное выражение ноэматического смысла представляет собой *определенную дескрипцию* соответствующего предмета – описание, которому соответствует данный предмет и только он. Иначе говоря, ноэматический смысл представляет собой не что иное, как лингвистическое значение соответствующей определенной дескрипции.

Думаю, в этом смысле нужно понимать первый (главный) тезис статьи Фёллесдала 1969 г.: «Ноэма – это интенсиональная сущность (entity), обобщение понятия значения (Sinn, Bedeutung)»[7]. Н.В. Мотрошилова[8] выдвигает против этого тезиса несколько возражений, два из которых

---

[6] *Føllesdal D.* Husserl's Notion of Noema // The Journal of Philosophy. 1969. Vol. 66, No. 20. P. 680–687. Данная работа стала предметом интенсивных дискуссий. В этой связи интересен ответ Фёллесдала на некоторые критические замечания: *Føllesdal D.* Noema and Meaning in Husserl // Philosophy and Phenomenological Research. 1990. Vol. 50. P. 263–271. Детальное изложение и критический анализ концепции Фёллесдала см. в работе Н.В. Мотрошиловой («Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. Ч. VII, глава III).

[7] *Føllesdal D.* Noema and Meaning in Husserl. P. 681.

[8] *Мотрошилова Н.В.* «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. С. 404–406.

представляются существенными для моей аргументации: 1) ноэма – более широкий феномен, нежели смысл, поэтому ноэму нельзя отождествлять со смыслом, пусть даже в обобщенном виде; 2) ноэму нельзя онтологизировать, трактуя ее как «сущность» (entity). На мой взгляд, второе возражение справедливо, однако первое мне представляется некорректным: тезис о несводимости ноэмы к смыслу, конечно, верен, но я не думаю, что Фёллесдал этому тезису противоречит. Процитированная формулировка Фёллесдала допускает прочтение, не предполагающее редукции ноэмы к смыслу: ноэма имеет интенсиональный характер (используем этот парафраз, чтобы избежать термина «сущность»), поскольку включает в себя смысл, аналогичный лингвистическому смыслу, – но это не значит, что ноэма представляет собой *только* смысл. Это прочтение подтверждается вторым тезисом из обсуждаемой статьи Фёллесдала и, более явно, следующим пассажем из его ответа критикам (1990): «…ноэму можно определить как все те черты акта, благодаря которым он соотнесен с тем объектом, с которым он соотнесен. Строго говоря, это определение фиксирует только часть ноэмы – часть, которую Гуссерль называл "предметным смыслом" ("gegenständlicher Sinn"). *Помимо этой части* (in addition) полная ноэма включает в себя второй компонент, который Гуссерль называет "тетическим", и который позволяет различать акты разных видов, например акты восприятия, воспоминания, воображения и т.д.»[9] (курсив мой. – *Е.Б.*) Опосредующая функция ноэмы фиксируется также в третьем тезисе рассматриваемой статьи Фёллесдала: «Ноэматический смысл – это то, благодаря чему сознание связано с предметом»[10]. Отмечу, что Н.В. Мотрошилова соглашается с этим тезисом[11], тем самым принимая интенсионалистскую трактовку ноэмы, представленную в первом тезисе (с критическими поправками, исключающими онтологизацию ноэмы и ее отождествление со смыслом).

---

[9] *Føllesdal D.* Noema and Meaning in Husserl. P. 266. Терминологическое примечание: как указывает Н.В. Мотрошилова («Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. С. 400), Фёллесдал некорректно использует термин «тетический» для указания на тип актов сознания.

[10] Ibid. P. 682.

[11] *Мотрошилова Н.В.* «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. С. 403–404.

III. О соотношении предмета и смысла

Теперь я хочу высказать предположение о характере связи между предметом и смыслом, инспирированное теорией прямой референции в аналитической философии. Несколько версий теории прямой референции было предложено во второй половине XX в. в работах К. Доннелана, С. Крипке, Д. Каплана[12] и др. Ее главную новацию составляет тезис о независимости референции от смысла применительно к некоторым языковым выражениям и определенным контекстам их употребления. Рассмотрим этот тезис на примере имени собственного. Можно ли собственное имя считать синонимом определенной дескрипции? Например, можно ли имя Аристотель считать синонимом описания, которое дают его носителю философские словари[13] (древнегреческий философ, родом из Стагира, ученик Платона, воспитатель Александра Македонского и т. д.)? Этот вопрос релевантен для нашей темы, поскольку: 1) если имя имеет смысл, то он представляет собой некоторую индивидуализирующую совокупность признаков предмета, т. е. является одним из возможных ноэматических смыслов; 2) смысл эксплицитно выражается в определенной дескрипции. Поэтому если связь между именем и предметом обусловлена смыслом, то имя является синонимом соответствующей определенной дескрипции как минимум в экстенсиональных контекстах[14].

---

[12] *Доннелан К.С.* Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 134–160; *Kaplan D.* Dthat // J.L. Garfield, M. Kiteley (eds.). Meaning and truth: essential readings in modern semantics. Paragon House: St. Paul, 2003. P. 212–232; *Kripke S.* Naming and Necessity. Blackwell: Oxford, 1980.

[13] Чтобы не усложнять рассуждение, я принимаю допущение, согласно которому имя Аристотель имеет только одного носителя. Это допущение фактически неверно, но методологически допустимо, потому что тот факт, что у философа Аристотеля из Стагира были и есть тезки, на суть дела не повлияет. Этот факт можно учесть, например, посредством индексации имени (Людовик *Четырнадцатый*, Аристотель *из Стагира*, Дж. Буш *младший*...), после чего рассматривать имя с определенным индексом как уникальное. Равным образом я идеализирую понятие дескрипции, отвлекаясь от того обстоятельства, что статьи об Аристотеле в философских словарях могут расходиться относительно его идентифицирующих характеристик.

[14] Ограничение данного тезиса экстенсиональными контекстами является предметом дискуссий. Ряд аргументов против этого ограничения представлен в работе: *Sosa D.* Rigidity in the Scope of Russell's Theory // Nous. 2001. Vol. 35, № 1. P. 1–38.

Если не во всех, то в некоторых случаях имеются интуитивно убедительные основания для дескриптивистской трактовки имен: мы все знакомы с Аристотелем только по описаниям, поэтому, говоря Аристотель, мы имеем в виду «древнегреческий философ, родом из Стагира, ученик Платона…». Это позволяет рассматривать имя как синоним определенной дескрипции, а его референциальную связь с объектом понимать как опосредованную дескриптивным содержанием имени: носителем имени является объект, имеющий указанные в соответствующей дескрипции свойства. Дескриптивистской трактовке собственных имен противостоит ряд теорий, в которых референциальная связь между именем и его носителем трактуется как прямая (непосредственная), т. е. не зависящая от свойств носителя. Один из наиболее известных и обсуждаемых аргументов в пользу теорий прямой референции (соответственно против дескриптивизма) для собственных имен был предложен С. Крипке[15] и получил название «модальный аргумент». Он состоит в следующем. Утверждение «Аристотель не был философом» ложно, но *не противоречиво*: это представляется интуитивно очевидным, и эту интуицию теория прямой референции призвана отразить. Равным образом непротиворечива следующая фантазия: если бы Аристотель не был философом, он, возможно, стал бы полководцем. Наконец, мы можем вообразить, что историки доказали, что Аристотель был купцом, которого интересовала только корысть, а сочинения, которые мы сейчас считаем аристотелевскими, были приписаны ему в силу разных случайных обстоятельств (шутки друзей, клеветы конкурентов, ошибки переписчиков…). Если так, то утверждение «Аристотель не был философом» окажется не только непротиворечивым, но и истинным. Однако если имя Аристотель рассматривать как синоним дескрипции «древнегреческий философ, который то-то и то-то», то высказывание «Аристотель не был философом» превратится в противоречивое высказывание «Древнегреческий философ, который то-то и то-то, не был философом». Это противоречит указанной интуиции и тем самым, по мнению Крипке, опровергает дескриптивистскую трактовку собственных имен[16].

[15] *Kripke S.* Naming and Necessity. P. 32 и далее.

[16] Симметричный аргумент: утверждение «Аристотель был философом» интуитивно кажется информативным, но если имя Аристотель рассматривать как синоним дескрипции «философ, который…», то данное утверждение окажется

Тезис теории прямой референции состоит в том, что имя либо не имеет смысла, либо он семантически нерелевантен, т. е. не влияет на референцию. Если имя имеет смысл, т. е. если носители языка ассоциируют таковой с именем, то его нерелевантность проявляется в том, что он не привязан к имени «жестко», т. е. может быть отменен и, возможно, заменен другим смыслом при сохранении тождества референта. В нашей фантазии на тему Аристотеля-торговца смысл «философ, который…» мог быть заменен, например, смыслом «индивид, который не был философом, но которому до такого-то времени по ошибке приписывали такие-то философские сочинения…».

Возвратимся к концепции ноэмы Гуссерля: мое предположение состоит в том, что она совместима с теорией прямой референции, поскольку допускает трактовку ноэматического смысла как отменимого. На первый взгляд это предположение может показаться странным, поскольку Гуссерль говорит о неразрывной связи между предметом («чистым X») и смыслом. Так, в § 131 «Идей I» Гуссерль пишет: «Он [смысл] не может отсутствовать ни в одной ноэме, как не может отсутствовать его необходимый центр, точка единства, чистое определяемое X. Не может быть “смысла” без “нечто” и без “определяющего содержания”» (Ideen I, 303.24–27). Таким образом, по Гуссерлю, данность предмета всегда опосредована некоторым смыслом. Однако этот тезис, предположительно, совместим с допущением отменимости/заменимости ноэматических смыслов[17]. Словом, я попытаюсь показать, что гуссерлево учение о ноэме допускает идею *прямой интенции*, которая опосредована *отменимым ноэматическим смыслом*, – подобно тому как прямая референция опосредована отменимым лингвистическим смыслом.

Как было сказано выше, Гуссерль отделяет предмет (как X без свойств) от всех его свойств. Это значит, что, будучи всегда (в каждой ноэме) сопряжен с тем или иным смыслом, предмет не «привязан» ни к одному из них: один и тот же предмет может быть дан в разных актах через разные смыслы, причем некоторые из этих смыслов могут не иметь общих элементов. Именно это обстоятельство позволяет Гуссер-

---

тавтологией. Отметим также, что приведенный аргумент может быть mutatis mutandis применен не только к именам собственным, но и к определенным дескрипциям и некоторым другим выражениям.

[17] Я не пытаюсь представить Гуссерля *сторонником* теории прямой референции: я говорю только о логической *совместимости* гуссерлевого учения о ноэме и понятия прямой референции.

лю рассматривать предмет как единое и тождественное в противовес вариативности (многообразию и изменчивости) смыслов. В плоскости лингвистического анализа это означает, что референтное выражение (например, имя собственное) может ассоциироваться с разными определенными дескрипциями, т. е. в различных контекстах выступать в качестве синонима разных определенных дескрипций[18].

Однако такая трактовка многообразия возможных смыслов, сопряженных с одним и тем же предметом, еще не означает ни тематизации, ни даже допущения идеи прямой интенции, т. е. отменимости ноэматического смысла. В самом деле, рассуждения Гуссерля, иллюстрирующие вариативность смысла относительно предмета, показывают, что все смыслы, сопряженные с некоторым предметом, он рассматривает как совместимые, так что их объединение означает поступательный рост знания о предмете. Например, ноэматическим смыслом предмета Аристотель может быть тот факт, что он был воспитателем Александра Македонского, и тот факт, что он является автором трактата «Категории». Соответственно в качестве лингвистического смысла этого имени можно рассматривать дескрипции «воспитатель Александра» и «автор "*Категорий*"». Разумеется, между этими дескрипциями нет противоречия, и они могут быть объединены в комплексную дескрипцию «воспитатель Александра и автор "*Категорий*"». Равным образом, порождать многообразие смыслов может изменение свойств предмета с течением времени (Ideen I, 302.1–8). В этом случае мы тоже можем объединить все смыслы, отражающие динамику свойств предмета, в непротиворечивое описание, если релятивизируем свойства ко времени: мы можем рассматривать яблоко *и* как красное, *и* как зеленое, если уточним, *когда* оно было красным и *когда* – зеленым[19]. Если все возможные смыслы, через которые дан один и тот же предмет, совместимы, то актуализация новых смыслов никогда не приводит к отмене старых: она может привести только к их сращению.

Но понятия предмета и ноэматического смысла, как они определяются Гуссерлем, не предполагают совместимости смыслов в каче-

[18] Ср. классический пример Фреге: Венера как Утренняя звезда и как Вечерняя звезда (*Фреге Г.* Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. С. 25–49).

[19] Кумулятивная динамика ноэматического смысла играет важную роль в феноменологии позднего Гуссерля. См.: *Савин А.Э.* Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля. С. 78 и далее.

стве *необходимого* ограничения на их многообразие. На этом основана предлагаемая гипотеза: предмет как «чистое X», в его отличии от всех его «предикатов», может быть воплощен не только в совместимых, но и в *несовместимых* (исключающих друг друга) смыслах. Например, такого рода несовместимость имеет место, когда один и тот же предмет в одном акте мыслится в его фактических свойствах, а в другом – становится предметом контрфактической фантазии, как в случае с Аристотелем-торговцем. В этом примере Аристотель нам дан в горизонтах, в которых некоторые суждения имеют разные истинностные значения, что позволяет рассматривать их (горизонты) как возможные миры в семантическом смысле. Используя терминологию семантики возможных миров, можно сказать, что ноэматический предмет Аристотель является одним и тем же во всех возможных мирах, в которых он существует, в том числе в мирах, где он *был* философом, и в мирах, где он философом *не был*[20]. Поэтому смысл, через который Аристотель дан как гражданин возможного мира, в котором он был философом, может оказаться несовместимым со смыслом, через который Аристотель дан как гражданин возможного мира, в котором он философом не был: очевидно, это имеет место всякий раз, когда свойство (не) быть философом входит в состав обоих смыслов рассматриваемой пары. Но если для некоторого смысла существует несовместимый с ним «антисмысл», то они оба оказываются отменимыми. То есть отменимым является почти всякий смысл: неотменимы только смыслы, в состав которых не входит ни одного контингентного свойства.

Таким образом, в свете феноменологии Гуссерля прямая (опосредованная отменимым смыслом) интенция оказывается возможной. Или, если выразиться осторожнее, гипотеза о допустимости идеи прямой интенции в контексте феноменологии Гуссерля кажется мне правдоподобной.

---

[20] В.И. Молчанов видит в гуссерлевой трактовке предмета в качестве «чистого X» его «умерщвление», превращение в нечто, что «не имеет своего собственного облика» (*Молчанов В.И.* Различение и опыт: Феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004. С. 268). При этом причиной такого «умерщвления» В.И. Молчанов считает некритическое постулирование тождества как конститутивной черты предмета (ср.: Там же. С. 161). Не углубляясь в детали аргументации В.И. Молчанова, отмечу, что предложенная мною интерпретация имеет противоположный эффект: в ней тождество предмета как «чистого X» делает предмет *многоликим*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Доннелан К.С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 134–160.

Молчанов В.И. Различение и опыт: Феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2004.

Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология–Герменевтика, 2003.

Савин А.Э. Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля. Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ, 2008.

Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М., 1997. С. 25–49.

Cunningham S. Perceptual Meaning and Husserl // Philosophy and Phenomenological Research. 1985. Vol. 45, No. 4. P. 553–566.

Føllesdal D. Husserl's Notion of Noema // The Journal of Philosophy. 1969. Vol. 66, No. 20. P. 680–687.

Føllesdal D. Noema and Meaning in Husserl // Philosophy and Phenomenological Research. 1990. Vol. 50. P. 263–271.

Husserl E. Gesammelte Werke (Husserliana). Bd. III/1. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischer Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976.

Kaplan D. Dthat // Garfield J.L., Kiteley M. (eds.). Meaning and truth: essential readings in modern semantics. Paragon House: St. Paul, 2003. P. 212–232.

Kripke S. Naming and Necessity. Blackwell: Oxford, 1980.

Sosa D. Rigidity in the Scope of Russell's Theory // Nous. 2001. Vol. 35, № 1. P. 1–38.